

Блуменау С. Ф., доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского (Россия)

БЕСЧИНСТВА ТОЛПЫ ЛЕТОМ 1789 ГОДА В ВОСПРИЯТИИ ДЕПУТАТОВ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ ФРАНЦИИ

Сложной проблемой, возникшей перед Учредительным собранием революционной Франции, стала необходимость обуздания бесчинствующей толпы. Мнения законодателей разделились. Одни предлагали меры по предотвращению экстремистских проявлений. Другие опасались, что противодействие бессудным расправам подорвет тесную связь Ассамблеи с народным движением и закрывали на них глаза. Третьи добивались быстрого строительства новых органов власти, что позволило бы держать ситуацию под контролем. Результатом стало «беззубое» воззвание, никак не способствовавшее решению проблемы. Развернувшиеся вскоре масштабные волнения заставили депутатов вернуться к ней.

Ключевые слова: волнения «низов», продовольственные бунты, бесчинства толпы, Учредительное собрание, политические группировки.

DOI: 10.22281/2413-9912-2020-04-03-24-30

Через полтора месяца после созыва Генеральных штатов депутаты от разночинного большинства нации смогли добиться слияния трех сословных палат в единую Ассамблею. Но король, не сумевший одолеть этот порыв, сконцентрировал войска вокруг Версаля и Парижа, готовя переворот. Он уволил популярного министра Неккера, заменив правительство на реакционное. Ответом стало восстание 12-14 июля в Париже, увенчавшееся штурмом Бастилии. Эта демонстрация силы заставила монарха прибыть в столицу и фактически признать победу своих оппонентов.

Поддержанное народом и еще раньше провозгласившее себя учредительным Собрание могло заняться главным делом - Конституцией. Это сопровождалось упразднением институтов Старого порядка, возведением на их месте новых и обеспечением разных сфер общественно – политической жизни необходимой законодательной базой. Следовало решить и другие безотлагательные вопросы, прежде всего, отыскать способы погашения огромного государственного долга.

Но возникали и иные вызовы, беспокоившие депутатов. Выступления народных низов все чаще оборачивались эксцессами - бессудными расправами. Жестокость пронизывала умонастроения и поведение широких слоев населения при традиционной монархии [2, с.233-234; 5, с.19,67; 11;14]. Революция, влекущая за собой слом старой системы, едва ли могла соблюсти правовые нормы.

Самочинные кровавые действия проявились уже вначале при штурме Бастилии.

Маленький гарнизон крепости-тюрьмы, состоявший из 82 инвалидов и 32 швейцарцев, сдался после отчаянного сопротивления и при условии сохранения жизни ее защитникам. Но люди из толпы убили 3 инвалидов, 3 швейцарцев и коменданта де Лонэ. Уже мертвому ему отрубили голову и пронесли на пике по Парижу. Та же участь постигла и купеческого старшину столицы Флесселя, уличенного в предательстве.

Стихийный террор после овладения Бастилией нельзя оправдать, но можно понять. Жертвы были погублены после жестокого боя, в котором восставшие потеряли убитыми 98 человек, ранеными и искалеченными -73 [15, р. 297].

Горячка сражения и месть за павших товарищей руководили действиями победителей.

После Бастилии вооруженные конфликты с последующими «разборками» уступили первенство более отвратительным акциям. То была «охота», подчас, огромных толп на одного или нескольких человек, обвиняемых в связях с «деспотизмом», «аристократией», «феодализмом», либо в доведении народа до голода. События середины июля убедили широкие слои населения, что произошло «обрушение всех сил общественного порядка» [19, р. 9]. В таких условиях люди, тяготевшие к насилию, почувствовали полную безнаказанность. Они действовали в толпе, а многочисленные зрители приободряли и активно поддерживали убийц. «Обидчиков» народа терзали, убивали, глумились над их останками.

Явление озадачивало депутатов. Бессудные расправы никак не вязались ни с духом Просвещения, ни с идеалами общественного блага. Насилие тревожило добропорядочных граждан и пугало элиту. Оно компрометировало революцию, как в самой Франции, так и за ее границами. Следовало что-то предпринять.

Но позиции только формировавшихся политических группировок Ассамблеи не сходились. Одни хотели ответить на подобные ужасы принятием каких-либо сдерживающих мер. Другие полагали, что такой подход, как минимум, ослабит поддержку революции народным движением, а то и вовсе лишит ее сочувствия широких масс. Они уменьшали опасность самосудов, а, главное, считали их кратковременным явлением. Третьи воспринимали бесчинства как сигнал для ускоренного строительства легитимных органов власти, в том числе, в правоохранительной области.

Вопрос встал первоначально в связи с беспорядками в Сен-Жермене и Пуасси (недалеко от Парижа) из-за недостатка и дороговизны хлеба. Виновными в своих бедах бунтари называли скупщиков: богатых фермеров, мельников, крупных торговцев, булочников. Стремление придержать хлеб и нажиться на последующих спекуляциях воспринималось как заговор, обрекающий население на голод. Продовольственные волнения, частые и при Старом порядке, интенсифицировались в период Революции, являя собой постоянную составляющую почти всех крупных выступлений той поры.

В ходе вышеуказанных беспорядков погиб мельник Соваж. Затем главной мишенью полуголодных людей стал богатый фермер из Пюизе-Понтуаз Томассен. Он оказался в тюрьме маленького городка Пуасси, куда за ним прибыла агрессивная толпа. Его вывели, придвинули к фонарю, чтобы повесить, но замешкались в поисках кюре для последней исповеди. К жителям, умолявшим пощадить фермера, присоединились два приехавших депутата Ассамблеи: Камюс и архиепископ Шартрский де Люберзак. Последнему удалось поколебать непреклонность толпы, обещав доставить обвиняемого на суд в Версаль. Томассен был спасен, а его семеро детей не остались сиротами.

Но 22 июля счастливой развязки не получилось: толпа в столице расправилась с государственным советником Фулоном и его зятем, интендантом Парижа Бертье де Совиньи. Оба занимались снабжением продовольствием, что делало их одиозными в глазах населения. Фулона выследили крестьяне, которые поволокли его в Париж, издеваясь по дороге. Попытки мэра и командующего Национальной гвардии спасти обвиняемого, отправив его в тюрьму, не увенчались успехом. Старика захватила толпа, повесившая его, затем отделившая голову от туловища и насадившая ее на пику. Тем временем в Париж везли Бертье, а из окон города скандировали: «На фонарь!» Он энергично сопротивлялся, но ему, еще полумертвому, разрезали грудь, вырвали сердце и водрузили его на одну пику, а голову – на другую.

С инициативой воззвания против бунтующей толпы выступил еще 20 июля представитель парижского дворянства граф Т-Ж. Лалли – Толлендаль – сын командующего французской армией в Индии в Семилетнюю войну, обвиненного в измене королю и казненного в 1766 г. Его речь состояла из двух частей: в первой – представлялась картина неблагополучия, во второй – предлагались меры для прекращения волнений. Отметив, что в столице установился мир, Лалли обеспокоился положением за ее пределами: «Сен-Жермен наблюдал возникновение ужасного бунта. ... Понтуазу угрожают те же беспорядки. Они уже имеют место в Нормандии и Бургундии. Нам следует воспрепятствовать потокам крови, готовым пролиться» [9, р. 252]. Граф рекомендует срочное средство обуздания волнений: распространить воззвание, приглашающее всех французов к порядку и уважению законов, декларируя, что тот, который их нарушает, будет рассматриваться как плохой гражданин, как подозрительный, обвинен, задержан, передан в руки правосудия [18, р. 39]. Орудием «умиротворения» должна стать, по предположению оратора, буржуазная милиция – то есть национальная гвардия, созданная повсеместно [9, р. 252-253].

Далеко не все депутаты разделяли озабоченности выступавшего. Одни – хотели разобрататься с проблемой немедленно на заседании Ассамблеи. Другие, наоборот, настаивали на передаче вопроса в бюро, где его отложили бы

в долгий ящик. Но часть представителей Нации восстала против предложений графа. Они не распространялись на тему стихийных убийств, в душе оправдывая произошедшее. Основной же смысл их речей клонился к тому, что революция многим обязана июльскому восстанию и порицать участников народного движения несправедливо, да и политически ошибочно. Противниками предложенного воззвания явились законодатели из Бретани - создатели Бретонского клуба, где заранее обсуждалась повестка дня Собрании, стратегия и тактика политического поведения. Их мысли разделяла и горстка депутатов, которая вскоре выработает свою линию и станет занимать в Ассамблее крайне левый фланг.

Бретонец Дефермон, в пику тревогам Лалли, подчеркнул, что в Бретани все тихо. Его земляк Глезен усилил впечатление, заявив, что в провинции наслаждаются полным спокойствием. Одновременно он защищал народное движение. «Как можно хулить людей, поднявшихся за свободу?» - возмущался он. Третий представитель Бретани Блесо посчитал ненужным даже будоражить граждан разговорами о буржуазной милиции [9, p.253-254].

Участие в полемике принял маленький дружеский круг, сложившийся в начале работы Ассамблеи. Четыре молодых юриста, примерно тридцатилетнего возраста, сидели рядом на депутатских скамьях, посещали Бретонский клуб, разделяли схожие взгляды. То были М. Робеспьер, Ж. Петион, Ф. Бюзо, П. Приер [17, p. 135]. Бюзо выступил страннее других и с большей горячностью. Он говорил о смелости парижан, которые, «взяв оружие, вернули нам свободу, выгнали министров, заставили прекратить интригу ...» [9, p.254]. В этом свете воззвание Лалли опасно. Деспотизм еще не уничтожен, если он соберет все силы, кто встанет на защиту революции, рискуя быть прозванным мятежником? [9, p.254]. Беспощадность проявил Приер: «Я хочу, чтобы Ассамблея не только позволила народу отомстить (sic!) виновным, но и преследовала их сама» [9, p.265].

Одним из первых оспорил позиции графа Робеспьер. Его аргументация частично схожа с доводами других радикалов. Нельзя называть людей, борющихся за свободу, мятежниками. Не следует тревожить население необдуманными предложениями. «В Бретани

- мир, провинции - спокойны», - вторил он коллегам. Воззвание же Лалли «посеет панику и подорвет доверие» к Национальному собранию [9, p.23; 18, p.39-41].

Но изначально позиционируя себя как защитника народа, Робеспьер придумал и другой способ отстаивания бунтующей толпы. Во всем де повинны некие заговоры, направленные против самих граждан, под которыми он подразумевает и участников беспорядков. Этот тезис «о заговорах», близкий упрощенным представлениям подозрительных масс, Робеспьер будет эксплуатировать на протяжении всей своей политической карьеры.

Тему расправ, осуществленных бунтарями, он не опускал, но заявлял, что их жертвами стали действительно виновные лица. В личной переписке начинающий политик и вовсе трактовал эти бесчинства, как исполнение своеобразных судебных решений, вынесенных народом. В письме приятелю Бюиссару он так писал о судьбах де Лонэ и Флесселя: «Народ покарал командира ... крепости и купеческого старшину». А жестокой расправе в Париже 22 июля придавал абсолютно законный характер: «Г. Фулон был повешен вчера по приговору народа» [7, с. 95, 99].

Критическая волна заставила Лалли пойти на попятную: «Народ долго и много подвергался оскорблениям, требующим отмщения, я стану... разоблачителем его врагов, но для наказания виновных надо, чтобы только закон расследовал, судил и выносил приговор» [9, p. 265]. Граф готов был отказаться от своего воззвания, умоляя принять хоть какой-то документ относительно бесчинств.

Выступавшего решительно поддерживали единомышленники. Самый влиятельный тогда депутат Мунье подчеркнул, что «воззвание ... неизмеримо полезней, чем молчание». Малуэ высказался жестче. Уже в июльском восстании он узрел перегибы, несовместимые с всевластием Закона. Для волнений достаточен малейший предлог, время торопит, молчание лишь умножает правонарушения [9, p. 264, 266].

Позиция трех законодателей не была ни эпизодом, ни случайностью. Они последовательно боролись с произволом толпы, за торжество закона, бережное отношение к жизням людей. Протестуя против народных расправ, Мунье потребовал создания специального

трибунала, который судил бы за подобные преступления [13, р. 100-102]. Эти политики и поддерживавшие их депутаты влились в группировку «умеренных» или «монархистов», сложившуюся в Ассамблее раньше других и руководимую центральным комитетом. Данная сила выступала против провинциального партикуляризма, за права человека, гражданское равенство и свободу, что позволяет отнести ее к революционному лагерю.

Но, высказываясь за упразднение сословного строя и сеньориального режима, «умеренные» соглашались на выкуп даже тех помещичьих прав, что были отмечены «родимыми пятнами феодализма» [12, р.31]. Отталкиваясь в теории от принципов народного суверенитета и разделения властей, они представляли, однако, королю право абсолютного вето на законы Собрания и настаивали на верхней палате парламента из богатых собственников, которая также могла блокировать решения нижней [8, с.17; 13, р.122]. Это открывало путь к верхушечной перестройке системы без использования революционного потенциала народа, что не могло удовлетворить надежд широких слоев населения.

Отсюда - глубокая взаимная неприязнь «монархистов» и революционной массы. Показательно, что Малюэ еще весной 1789 г. оценивался обществом как контрреволюционер [16, р.56-57]. Нападки в адрес «умеренных» нарастали. Их занесли в «проскрипционные списки» для «фонаря» [10, р.74], а лидеру группировки Мунье угрожали отрезать голову [20, р.188-189].

Отношение парижских активистов к «умеренным» ставило под сомнение эффективность предложений Лалли даже в случае принятия таковых Ассамблеей. Их оппоненты - радикалы, по сути, избегали темы революционных эксцессов. Но прозорливые политики рассчитывали на то, что обузданию народных крайностей помогут новые органы местной власти, с созданием которых следует поторопиться.

Главную роль среди последних с присутствием ему политическим реализмом исполнил граф Мирабо. Трибун указал, что «мелкие средства бесполезно компрометируют достоинство Ассамблеи». Первопричина парижских беспорядков виделась ему в отсутствии сколько-нибудь признанной власти. Выходом

из положения должно стать формирование законно избранных на новой внесословной основе муниципалитетов [9, р.264]. На них, стоящих ближе к жителям, возлагалось бы неблагородное бремя противодействия кровавым волнениям. Мирабо незаметно осуществил разумный маневр, освободив Собрание от тяжелой ответственности и позволив ему сосредоточиться на Конституции и реформах.

В широком плане, пусть и с долей самонадеянности, свойственной «левым», рассуждал А. Барнав. «Основная цель - создать Конституцию и обеспечить свободу, для чего сначала нужны институты: буржуазная гвардия и муниципалитеты . . .». Потом оратор предлагал ввести законное судопроизводство для государственных преступлений. Тогда, по его словам, народ и успокоится [9, р.266].

По особому звучал в полемике голос маркиза Гуи д'Арси - богатого плантатора с Сан-Доминго. Ему довелось увидеть растерзание Фулона и Бертье, глумление над останками, танцы вокруг них. Оратора возмутило присоединение к «черни» обычных граждан; он пророчески заметил, что «народ может привыкнуть к кровавым спектаклям». Маркиз даже предвидел некоторые особенности организованного террора, заявив, что политические доносы станут орудием сведения личных счетов [9, р.265].

Но яркая взволнованная речь разочаровала своей концовкой. Выступавший не предложил конкретных мер и отвлек внимание коллег сообщением о существовании якобы «проскрипционного листа», в который часть из них занесена. Поведение королевского окружения, начавшаяся эмиграция, временное обрушение власти повлияли на настрой депутата, способствовали неоднозначности его позиции. Осуждение бесчинств и насилий толпы совмещалось у Гуи д'Арси с манией заговоров, побуждавших, порой, отметить свободу частной переписки и добиваться создания в Ассамблее Комитета расследований, занятого информацией «о подозрительных лицах» [4, с.70, 73], что приближало Террор.

Дискуссия завершилась 23 июля принятием воззвания, глубоко отличного от инициативы Лалли. Документ «приглашает всех французов к миру, поддержанию порядка и

общественного спокойствия, к уважению законов». В целом, получилась декларация, не содержащая никаких конкретных мер по реализации данных призывов. Делалась лишь попытка успокоить обе стороны, заверив народ, что его притеснители не уйдут от ответственности и обещав просвещенной обществу, что обвиняемые будут находиться под защитой Закона и суда. При этом депутаты стремились усилить собственную роль, объявив, что преступления против Нации подлежат их ведению [9, р.267]. В дальнейшем, при разработке декрета о Верховном Национальном суде они возьмут на себя и функции поддержания обвинения [3, с.92]. Но уже летом 1789 г. значительная часть Собрания желала отодвинуть на второй план другие ветви власти.

Воззвание отбросило главное в предложениях Лалли: помешать самостийным расправам толпы, привлекая к суду за соответствующие противоправные действия. Оно заменило подобный пункт на ни к чему не обязывающую сентенцию о том, что «нет гражданина, который не должен содрогнуться от одной только мысли о беспорядках» [9, р.267].

Подводя итог, следует заключить, что первая попытка заставить народные низы прекратить бесчинства не получила одобре-

ние в парламенте. Свою роль сыграл и неудачно выбранный момент. 20- 23 июля обстановка казалась еще относительно спокойной и, хотя в провинции уже имели место волнения, о них пока не стало известно в Париже и Версале.

Уничтожение сословного строя, разного рода привилегий, подрыв сеньориального режима укрепят позиции Учредительного собрания. Оно решится на декрет 10 августа о восстановлении общественного спокойствия, позволявшего использовать против участников бунтов не только национальную гвардию и конную жандармерию, но при необходимости и регулярные войска [6, т.2, с.172-173]. Но это не уберегло от следующего кризиса, в котором соединились политические тревоги людей и острота хлебной проблемы. Он вылился в «поход на Версаль» 5-6 октября, убийства лейб- гвардейцев Людовика XVI и унижительное водворение парижской толпой королевской семьи из ее резиденции в бунтующую столицу. Однако, новый, более суровый декрет, направленный против эксцессов, появился лишь 21 октября после зверского убийства булочника Франсуа [6, т.1, с.43-44]. Но сможет ли этот закон о военном положении обеспечить долговременное общественное спокойствие?

Список литературы

1. Блан Л. История Французской революции. Т. 2. СПб., 1907.
2. Блуменау С. Ф. Насилие в переломную эпоху: Французская революция и террор // История: перекрестки и переломы. Материалы Международной научной конференции. Волгоград, 14- 15 мая 2007 г. Волгоград, 2007.
3. Блуменау С. Ф. Революционные преобразования Учредительного собрания во Франции в 1789- 1791 годах. Брянск, 2011.
4. Генифе П. Политика революционного террора. М., 2003.
5. Дарнтон Р. Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры. М., 2002.
6. Документы истории Великой Французской революции. Т.1- 2. // Под ред. Адо А.В. М., 1990- 1992.
7. Робеспьер М. Избранные произведения. Т.1. М., 1965.
8. Сергиенко В. Ю. Умеренные монархисты в годы Французской революции конца XVIII века: Мунье, Малуэ, Малле дю Пан и их сторонники // Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 2005.
9. Archives parlementaires de 1787 à 1860. Première série. T. VIII. P., 1975.
10. Brasart P. Paroles de la Révolution : Les Assemblées parlementaires: 1789- 1794. P., 1988.
11. Castan N. et Y. Vivre ensemble : Ordre et desordre en Languedoc: XVII- XVIII siècles. P. 1981.
12. Doyle V. La pensée politique de Mounier // Terminer la Révolution : Mounier et Barnave dans la Révolution française. Grenoble, 1990.
13. Egret J. La Révolution des Notables: Mounier et les Monarchiens. P., 1989.

14. Farge A. La vie fragile: Violences, pouvoirs et solidarités à Paris au XVIII siècle. P., 1986.
15. Godechot J. La prise de la Bastille. P., 1965.
16. Griffiths R. Le centre perdu: Malouet et les « monarchiens » dans la Révolution française. Grenoble, 1988.
17. Leuwers H. Robespierre. P., 2014.
18. Oeuvres de Maximilien Robespierre. T. 6. P., 1950.
19. Tackett T. La Grande Peur et le complot aristocratique sous la Révolution française // Annales historiques de la Révolution française. 2004. N.1(335).
20. Tackett T. Par la volonté du peuple: Comment les députés de 1789 sont devenus révolutionnaires. P., 1997.

MOB VIOLENCE IN THE SUMMER OF 1789 IN THE PERCEPTION OF THE MEMBERS OF FRANCE'S CONSTITUENT ASSEMBLY

A difficult problem the Constituent Assembly of the revolutionary France faced was the need to control the violent mob. The opinions of the legislators were divided. Some suggested measures to prevent manifestations of extremism. Others feared that countering the extrajudicial executions would undermine the Assembly's close relationship with the popular movement and turned a blind eye to them. Still others sought the rapid construction of new authorities, which would keep the situation under control. The result was a "toothless" appeal that did not contribute to the solution of the problem. The large-scale unrest which unfolded soon forced the deputies to return to solving it.

Keywords: social unrest, food riots, mob violence, Constituent Assembly, political groups

References

1. Blan L. Istoriya Francuzskoj revolyucii. T. 2. SPb., 1907.
2. Blumenau S. F. Nasilie v perelomnyu e'poxu: Francuzskaya revolyuciya i terror / Istoriya: perekrestki i perelomy'. Materialy` Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Volgograd, 14- 15 maya 2007 g. Volgograd, 2007.
3. Blumenau S. F. Revolyucionny'e preobrazovaniya Uchreditel'nogo sobraniya vo Francii v 1789- 1791 godax. Bryansk, 2011.
4. Genife P. Politika revolyucionnogo terrora. M., 2003.
5. Darnton R. Velikoe koshach'e poboishhe i drugie e'pizody` iz istorii francuzskoj kul'tury`. M., 2002.
6. Dokumenty` istorii Velikoj Francuzskoj revolyucii. T.1- 2 // Pod red. Ado A.V. M., 1990- 1992.
7. Robesp`er M. Izbranny'e proizvedeniya. T.1. M., 1965.
8. Sergienko V. Yu. Umerenny'e monarxisty` v gody` Fancuzskoj revolyucii koncza XVIII veka: Mun'e, Malue`, Malle dyu Pan i ix storonniki // Avtoref. diss. kand. ist. nauk. M., 2005.
9. Archives parlementaires dé 1787 à 1860. Première série. T. VIII. P., 1975.
10. Brasart P. Paroles de la Révolution : Les Assemblées parlementaires: 1789- 1794. P., 1988.
11. Castan N. et Y. Vivre ensemble : Ordre et desordre en Languedoc: XVII- XVIII siècles. P. 1981.
12. Doyle V. La pensée politique de Mounier // Terminer la Révolution : Mounier et Barnave dans la Révolution française. Grenoble, 1990.
13. Egret J. La Révolution des Notables: Mounier et les Monarchiens. P., 1989.
14. Farge A. La vie fragile: Violences, pouvoirs et solidarités à Paris au XVIII siècle. P., 1986.
15. Godechot J. La prise de la Bastille. P., 1965.
16. Griffiths R. Le centre perdu: Malouet et les « monarchiens » dans la Révolution française. Grenoble, 1988.
17. Leuwers H. Robespierre. P., 2014.
18. Oeuvres de Maximilien Robespierre. T. 6. P., 1950.
19. Tackett T. La Grande Peur et le complot aristocratique sous la Révolution française // Annales historiques de la Révolution française. 2004. N.1(335).
20. Tackett T. Par la volonté du peuple: Comment les députés de 1789 sont devenus révolutionnaires. P., 1997.

Об авторе

Блуменау Семен Федорович –доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г.Петровского (Россия), E-mail: blumenausf@mail.ru

Blumenau Semen Fedorovich- Doctor of History, professor at the chair of world history and international relations, Academician I. G. Petrovsky Bryansk State University (Russia), E-mail: blumenausf@mail.ru